

УДК 811.161.1'373.612.2'42-26(571.16-21Томск)

**БЫТЬ ЖИВЫМ, ЧУВСТВУЮЩИМ, РАЗВИВАЮЩИМСЯ
(ЗАМЕТКИ О ТЕКСТУРЕ ГОРОДА)****Колодий Наталия Андреевна,**

kolna@tpu.ru

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30**Колодий Наталия Андреевна**, доктор философских наук, профессор Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Актуальность определяется тем, что современная борьба за ресурсы, умы людей распространяется уже и на символический капитал территорий, который в этой борьбе является важным фактором. В сегодняшней ситуации конкуренция городов достигла своего пика. В данной работе, посвященной анализу текстуры города, обсуждаются такие проблемы, как кумулятивный имиджевый процесс во времени и пространстве, кумулятивные ассоциации, связанные с текстами локальной культуры; обращено внимание на поэтический дискурс как один из отличительных способов наращивания смыслов, отражающих уникальность города. **Методы.** Принципы анализа кумулятивной текстуры города, качественная стратегия контент-анализа поэтических текстов, посвященных Томску, а также методики визуальных исследований образов города, воплощающихся в архитектуре, живописи, фотографии. В качестве методологического ориентира использовался современный подход к природе и сущности воображаемого (А. Стросс, Д. Саттлс, Р. Линднер). Природа воображаемого – это, с одной стороны, совокупность смыслов, определяющих особенности города, с другой – некая система представлений (не всегда понятых и нуждающихся в расшифровке) о возвышенном и низком, светском и религиозном, земном и небесном, которые существуют в данный момент. Анализ поэтического дискурса и текстов позволил обнаружить набор констант, передающихся от поколения к поколению, и набор субъективно переживаемых смыслов, которые создают особый рисунок текстуры города. **Результаты.** Определённым результатом исследования стала систематизация слов, образов, метафор, мифологем, которые фиксируют четыре измерения текстуры города: ландшафтное, культурно-историческое, антропологическое, топологическое. **Выводы.** Изучение текстуры города – важный процесс, представляющий в качестве результата абрис субъективно переживаемых образов города, которые влияют на всю совокупность преобразований, реформ в городе; установки жителей могут как способствовать преобразованиям, так и препятствовать им.

Ключевые слова: Текстура города, кумулятивные коннотации, локальная городская культура, рисунок городской текстуры, проводники «смыслов», «наследие» как коммодифицируемый ресурс, культурно-историческое конструирование, Томск.

В недавнее время, как замечает известный исследователь Эдвард Соджа, «произошло нечто, что привело к трансдисциплинарному всплеску интереса к городам и критической пространственной мысли, почти одновременному пространственному и городскому повороту» [1, с. 132]. На рубеже первой четверти XXI в. вопрос о том, «как писать о городе» в контексте пространственного поворота, все еще актуален [2–9]. Для многих российских городов повестка развития вывела на первый план необычную задачу: быть комфортным, живым, современным и устойчивым [10]. Томск не стал исключением. Актуальность такого описания цели устойчивого развития определяется тем, что современная конкурентная борьба за ресурсы, умы становится многовектор-

ной. Она включает в себя и особое внимание к символическому капиталу города, и к диджимодернизму, и к любым трансформациям города в целом. В Томске обучаются студенты нескольких университетов страны, а следовательно, каждый год в нём может появляться несколько тысяч молодых людей, выбирающих не только университет, но и пространство повседневной жизни. Поэтому город нуждается в том, чтобы иметь определённый образ, вызывать однозначно позитивные ассоциации, именно поэтому уникальность города обсуждается исследователями в разных контекстах, с фокусом изучения на материальности или знаковости, ценностной нагруженности или нейтральности пространства.

Некоторые теоретики в области урбанистики считают, что «городские условия сегодня радикально трансформируются: ускоряется реструктуризация городов, консолидируются новые городские пространства, кристаллизуются новые формы урбанизации», при этом сохраняются некие уникальные свойства городов [11, с. 196]. В Томске, например, деятельность Живой лаборатории – её инновационная среда, основанная на практике, её способность создавать трансграничные арены, в которых могут взаимодействовать многие различные субъекты и организации, – значительно изменила пространство города [12].

Чтобы понять, как город, представляя собой живую сущность, вызывает определённые эмоции, пробуждает воспоминания, рождает образы прошлого, необходимо обратиться к тому субъективному значению, которое всегда присутствует в дискурсах города [12]. Соответственно, исследователей, например А. Стросса, начиная со второй половины XX в., всегда интересует то субъективное значение, которое город приобретал для жителей [13]. Первый принцип, на котором базируется такая логика исследований и который становится принципом методологии данной работы, – это то, что представления, отражающие уникальность города, не возникают мгновенно, а накапливаются постепенно; каждое новое поколение горожан вносит свой вклад в формирование социальности и символического капитала города, нуждающихся в точной реконструкции [14]. А. Стросс называет процесс накопления уникальных черт и особенностей «кумулятивными коннотациями», а сегодняшнего исследователя – аналитиком этой кумулятивности [13, с. 125]. Самого учёного привлекал процесс первоначального создания, затем – накопления текстов, которые со временем начинают образовывать особую ткань, текстуру, буквально укутывающую этой тканью, как саваном. И нам этот принцип представляется методологически значимым. Американский социолог-урбанист Джералд Д. Саттлс, развивающий подход А. Стросса в своих работах (например, «Кумулятивная текстура локальной городской культуры») предлагает еще одно измерение «воображаемого» города [13, р. 287]. Д. Саттлс рассматривает локальную культуру в качестве одного из важных факторов экономики. Чтобы понять особенности символического капитала города, в том числе и с экономической точки зрения, необходимо учитывать кумулятивную текстуру локальной культуры, находящую свое выражение в образах, исторических достопримечательностях, типизациях и коллективных репрезентациях, архитектурных памятниках, объектах повседневной городской культуры [14]. Исследование Д. Саттлса и по сей день сохраняет свое значение благодаря реконструкции той специфической логики, которой подчиняется основной «рисунок» городской текстуры [15]. Принципиально значимой для Д. Саттлса, как и для Х. Беркинга [16], была мысль о том, что это «характерологическое единство культурных репрезентаций», которое образуется из разнообразных вариаций на некую основную тему, и оно ведет к формированию стереотипного образа, существующего в течение долгого времени [17, р. 15].

Город как культурно кодированное пространство, пронизанное историей и нарративами, мифами, образует с одной стороны, сохраняющийся универсум представлений, с другой – меняющийся мир субъективно переживаемых образов [18]. Эта нагруженность смыслами может быть настолько велика, что достаточно бывает произнести название города (Томск, например), чтобы вызвать поток ассоциаций [19].

В своей совокупности такие представления, насыщенные историей, образуют «воображаемое» города – «набор смыслов, связанных с городом, которые возникают в конкретный момент времени и в конкретном культурном пространстве» [20, р. 629]. Воображаемое города сегодня оживлённо обсуждается представителями разных научных сообществ [17, 18, 21], представляя свои варианты репрезентации воображаемого [21].

Например, П. Делорм, разделяющий воззрения культурно обусловленной географии, отмечает: «Подобно многим другим исследователям – и таких становится все больше и больше – я полагаю, что город можно понять через функцию центрального понятия воображаемого. Понимание города начинается с понимания того представления о нем, которое складывается у его жителей. Это подводит нас к самой сердцевине анализа города» [22, р. 22]. Ряд учёных, развивающих идеи культурно обусловленного туризма, среди которых можно назвать Д. Танбриджа, Г. Эшворта, в своих работах обращают внимание и на «наследие», и на «историю» [23]. Оба варианта представляют собой продукты воображаемого, культурно-исторические конструкты, способы конструирования которых различны. «Наследие» производится как коммодифицируемый ресурс, составленный из гетерогенной совокупности материальных объектов истории и фрагментарных дискурсов, поддерживающих минимальную нарративную связанность между этими явлениями, а история существует как метанарратив, развиваемый исследователями и городским сообществом в целом [24].

Повседневная городская жизнь в любом контексте может выступать в качестве объяснения процессов «конструирования» и того и другого. Если говорить о текстуре города Томска, то она, разумеется, существует благодаря и повседневной, и охранной, и реконструктивной деятельности (деревянное зодчество) и благодаря тому описанию, которое развивается, усложняется, опираясь на различные виды дискурсов о городе. Любопытным фактом представляется видение наследия города приглашёнными архитекторами, которые считают самым необходимым актуализировать ту или иную тему в архитектуре сегодня. Так, в нереализованном проекте Музей науки и техники «Студия 44» (архитектор – Н. Явейн) среди «архитектурных прообразов музея» автор указывает на триумфальную арку и павильон, построенные к приезду в Томск цесаревича, будущего Николая II и Кустарно-промышленную выставку 1923 года в Москве. «Сходство с ансамблем знаменитой выставки очевидно, довольно быстро узнаются прямые цитаты: граненые башни с внешней диагональной обрешеткой, длинные деревянные периптеры; крупный граненый объем, вырастающий за спиной портика, видим рядом, в здании спроектированного Жолтовским главного павильона – этот же прием становится главным в решении торца музейного здания. Помимо этих, базовых цитат, есть цитаты-маяки, обостряющие сходство: решетчатая вышка, ветряк. Удивительно совпадает даже расположение – музей, как в прошлом и территория выставки, вытянут между прудами и рекой» – так описывается процесс проектирования на платформе archi.ru/russia [25]. Не случайно в эпоху господства теме современного хай-тека, устремлённого в будущее, контекст которых – фантастика, динамика, прогресс, противостоял проект «Студии 44», черпающий вдохновение в прошлом работ. Большая часть нереализованных конкурсных работ в Томске, так или иначе связаны с историей, с тра-

дидиями. Странно, что именно такой опыт остаётся невостребованным или откладывается на долгое время (например, строительство часовни на месте Троицкого собора на Новособорной площади, реконструкция дома Игуменьи на месте некогда существовавшего Иоанно-Предтеченского монастыря).

В.В. Абашев следующим образом объясняет рождение «городских текстов» и обновление текстуры города: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношения к нему» [26, с. 11].

Никакой поэтический дискурс не спасает город от тех, кто реформирует город, но не учитывает его текстуру, не понимает хрупкий, изменчивый, сложносочиненный порядок городской жизни. Исследователь архитектуры Томска Л.С. Романова еще 10 лет назад писала: «все больше новых зданий возводилось в историческом центре Томска на территориях Центрального историко-культурного заповедного района и групповых зон охраны, где новое строительство, кроме компенсационного, законодательно запрещено. С одной стороны, воссоздавались утраченные доминанты: завершения и колокольня церкви Казанской Божьей Матери (Алексеевский мужской монастырь), Богоявленского храма (площадь Ленина), храма Александра Невского (бывший тюремный комплекс), деревянная пожарная каланча на здании бывшей полицейской управы (южный мыс Воскресенской горы) и др. А с другой – возводились новые здания, перекрывающие визуальные связи между воссозданными и сохранившимися доминантами. Так, например, здание торгового центра «Статус» ... перекрыло визуальную связь между церковью Казанской Божьей Матери Алексеевского мужского монастыря на Юрточной горе и Богоявленским храмом на площади Ленина» [27, с. 230]. Ситуация сегодня ничуть не изменилась. Но какая-то часть уникальных смыслов транслируется из поколения в поколение, независимо от архитектурных трансформаций города.

Для нашей исследовательской рамки важны компоненты Томского текста, образующие, с нашей точки зрения, образно-смысловое единство. Это слова, метафоры, которые мы выделили, осуществляя достаточно простой контент-анализ текстов локальной культуры. Несомненно, что для более точного системного анализа необходимо использовать более сложный компендиум литературно-художественных, научных, публицистических произведений. Но в данной статье мы предлагаем ту систематизацию слов и метафор, которая характеризует поэтический язык, отражённых в локальном Томском тексте; а также анализ образов, репрезентирующих архитектурный/исторический ландшафт города, ибо именно архитектурный ландшафт порождает своеобразие культурного пейзажа в целом. По Айзенману, исследуя тем или иным способом архитектуру, стремясь к пониманию её сущности, нужно «меньше заботиться о том, что видит глаз, – об оптическом – и больше о том, что видит разум, – о визуальном» [28, с. 56].

Если в поэтическом ряду важно найти точный образ, схватывающий неповторимость города, то в научном дискурсе, дискурсе экспертов важно обнаружить стремление создать как можно более объёмное семиотическое описание города: *«Томск – это уникальное градостроительное образование, очень сибирский, русский город. Удивительно его расположение, в пойме реки. Я думаю, Томск именно этим особенный. Это университетский город, slowtown. Надо это сохранять»*; *«Томск и так получил статус исторического поселения по нижней границе с баллом 3,68 из 5 возможных, насле-*

дие необходимо охранять» (сторонники точной аутентичной реконструкции Томска). Публикации, построенные на интересном материале, связанном со старинным Томском, конечно, появляются, но они не влияют на массовое сознание [29]. Эксперты центральной идеей считают то, что «Томск – это единственный город, который сумел сохранить деревянную застройку в центре. Чего не смогли сделать ни Москва, ни Вологда, ни Санкт-Петербург» (победитель конкурса на право реализации проекта Музея науки и техники «Студия 44»).

Самая большая группа слов, наиболее часто встречающихся в поэтических текстах, – это понятия, метафоры, репрезентирующие специфику томского природного ландшафта: гора, холмы, **«на трех холмах, на четырех ветрах...»**, флювиальный рельеф, тайга, река, пожары, столица снега, тополиный пух, белые рощи, сады, кедры вековые, тропинки Михайловской рощи, «белоснежная держава», «весенняя осень», «неповторим пейзаж, отточенный веками»; золотая лихорадка, Травертиновые родники, Томский Грааль, чаши: гигантские вместилища живой родниковой воды; «Над тишиной еланей и полей/Ты крепко встал, мой Томск»; «Все та же Томь... Струит свои морщины молодые», «снежные Афины», «Край небывалых зим/И снежных сугробов/в рост...», «Снега упадут, а потом лежат./Сосны стоят, будто их сторожат/Дни коротки, а морозы злы./растёт в поддувале запас золы»; лесные тропы, лесные дороги; высокая заболоченность, выход родниковых зон и сложный рельеф [30]. В поэтических текстах мысль совпадает с полнотой жизненного чувства, даже в простых поэтических зарисовках: «Томск — любовь, звезда, бессмертник./смертна жизнь, но не пуста./ Город смертен, вереск смертен./даже мастер не бессмертен./но бессмертна красота» [30].

«Творящий ландшафт» начинается там, где существуют уникальные горы, холмы, сады, парки, бульвары с аллеями, леса, реки, речные воды. Ландшафт Томска событиен, метафизичен, но это не значит, что он лишен своего плана выражения. Множество созданных образов, связанных с городом, и представляют собой то состояние, когда мысль совпадает с переживанием. Часто в изображениях города есть указание на путь, дорогу, тропинку, когда и тропинка в гору, и дорога воспринимаются не как путь из одной точки в другую, а как экзистенциальный феномен восхождения в некую особую, промежуточную реальность, когда человек выключен из привычного быта и еще не включен в другую повседневность (картины томского художника А. Кнехта). Дорога через поле, лесная тропа, дом, разрыв между домами, красная линия, по которой выстраиваются дома, – всё это создаёт иллюзию единства жизни людей, пребывающих между небом и землей, мирским и божественным. Путь может предстать единой линией восхождения, а может пульсировать, предстать рваной линией. Именно путь на Воскресенскую гору, к истокам города, задаёт нужную траекторию движения и переживаний.

Воображаемое, как уже отмечалось, – это иной, поэтически-образный способ вступить во взаимодействие с реальностью. Воображаемое «возвышает, сублимирует и уплотняет свой объект (город, пространство), так что мы оказываемся в состоянии видеть его с большей ясностью, резкостью и глубиной» [31, р. 413]. Это волнение, которое нас охватывает, – дополнение, благодаря которому мы не просто остаемся жить в городе, но и мечтаем о нем [32]. Наши грёзы идентичны поэтическим образам, например словам, представлениям о цвете, запахе.

Слова с семантикой цвета, запаха усиливают это состояние: зелёный, «Ранним утром зеленый и свежий./Словно вымытый Лагерный сад»; брусничный цвет ворот, золотые купола «от костров смолистым тянет дымом»; пахнущие смолой брусня, плахи и тес, потемневшее от времени деревянное строение, «белая пудра черёмухи цвет», «сухой сибирский холод», «праздник узеньких карнизов, светлых лестниц, тёмных крыш»;

стаи диких голубей, небольшой старинный город, деревянный, кружевной; «и сирень отцвела вдоль широких аллей», «из камня глядят стародавние лики, грифоны» [30].

Понятно, что каждому из авторов важно создать образ города, в котором сохраняется его невероятное разнообразие и жизненная сила.

Основной тенденцией развития текстов о Томске является интенсификация геопоэтической рефлексии, модальности которой разнообразны: от ощущения красоты и своеобразности сибирской природы до онтологических образов ландшафта: «В Сибири снег от неба до порога/И вечера длинней, чем Енисей./Здесь нечего и вымолить у Бога./И горизонт, как будто Колизей,/Зияет многоглазую стеною./И, арки высекая из льда,/Как в пропасти, шумит над головою/Сибирская упрямая вода...» [30, с. 617]. Геопоэтическое чувство и видение, связанное с Томском, изначально создало смыслы, улавливающие и отражающие сущность этой особенной земли, территории: «Стоят в ночи безмолвны/И цедят пустоту/Ростральные колонны/На Каменном мосту». Вполне справедливо А. Иванов «форматирующее» начало ландшафта определил как своеобразную матрицу. Она органично включает в себя такие метафоры, как «природная первозданность», «дикое счастье», «держава в державе» [33].

С одной стороны, «ландшафт, как природный территориальный комплекс в градостроительстве допетровского времени, являлся естественной основой, в которую вписывался город» [34, с. 24], а с другой – ландшафт, рельеф, лес стали той матрицей томскости, которые придавали любой структуре города стилистическое своеобразие, ту неповторимую форму, которая отличала её от иных городов и центров Сибири. Природная составляющая всегда была неотъемлемой частью в композиции города. Доминантные соборы, церкви, монастыри выглядели наиболее контрастно там, где был сложный рельеф [35]. Объективно в локальном тексте Томска часто внимание фиксируется на горах (Воскресенская и Юрточная). Сакральную, хтоническую и эстетическую глубину Воскресенской горы пытались «схватить» и путешественники, и художники, но самое сильное развитие геопоэтической интуиции, чувства места, способность идентифицировать себя в пространстве Воскресенской горы – у архитекторов (Л.С. Романова), литераторов (В. Костин). Тайная глубина земли стала одним из векторов территориального самосознания, осью его концептуализаций. Неслучайно Воскресенская гора, охватывающая полукольцом долину речки Ушайки, бегущей по центру исторического Томска, стала основой композиционно-планировочной структуры города. Эта гора содержала в себе все «золотые точки рельефа», уникальность которых раскрыли сформировавшиеся архитектурные доминанты, а те, в свою очередь, позволили акцентировать контраст вертикального и горизонтального движений. Объективно Воскресенская гора – центр планировочной структуры, место где раскрывается панорамы исторического ландшафта; «знатной вершины пригорок» – так в 1627 г. томские воеводы в «Росписи томскому городу и острогу» обозначили южный мыс Воскресенской горы; субъективно, в эмоционально окрашенных образах горы. Крутые склоны, обрывы, мысы, спуски, амфитеатры горы формируют визуальные связи, образ силуэтно-панорамной композиции города. Воскресенская и Троицкая церкви, Римско-католический костел и одно-двухэтажные постройки, как замечает Л.С. Романова, в архитектурном смысле так явно отражают подчинённость рельефу, что уже одно это обстоятельство порождает эстетическое совершенство пластико-художественных форм [35, с. 88] и вынуждает к созданию уникальных образов Воскресенской горы (портал Город.ru привёл до ста изображений горы томскими художниками, у одного А. Кнехта существует до нескольких десятков изображений Воскресенской горы и Воскресенской церкви). Для большинства художников это место – сакральный центр города. Известный исследователь С.А. Смирнов замечает «любое новое поселение, дабы обрести устойчивость и реальность,

должно было быть сориентировано на Центр Мира. Новое жилище и новый город были спроецированы на сакральный центр. Как творение мира началось с центра, так и любой город начинался с сакрального центра» [36, с. 30].

С.С. Аванесов, осмысливая сакральный центр Томска, писал: «Роль городских ворот как священного входа («духовных врат» Томска) играла часовня Иверской иконы Божией Матери (1858; разрушена в 1933; восстановлена в 2002) [37, с. 69]. Он отмечает далее, что «синтаксическая позиция томской Иверской часовни в городском тексте ... выражает иерусалимскую градостроительную «программу», связанную с восприятием города как *освящённого пространства*» [37, с. 69]. Осмысливая так исторический и сакральный центр Томска, мы не можем не отметить то, что Томский Кремль – острог, городские врата – главные в этой семиотической конструкции. Они представляют собой, как правило, «такую композицию, которая соединяла в себе триумфальный въезд, крепостную башню и храм», и они создаются, «исходя из трех функциональных параметров: прагматического, эстетического и семантического» [38, с. 103]. Основные принципы такого «конструирования», конечно, будут сохраняться – поскольку редкому городу удаётся отказаться от генотипа полностью. Если выделить задающее структуру ядро из основных понятий, делающее текст собственно городским, Томским (Кремль, храмы, посад, острог, слобода), если задать широкое поле исторической конкретики (Воскресенская, Юрточная горы, Болото), указать на специфическую периферию (Кирпичи, Елань), то можно отметить одну закономерность, которая подробно охарактеризована в работах современных исследователей. Например, А.Ю. Майничева на Аношинских чтениях развивала еще одну интересную идею: «Очевидно, что практическая насущность оборонного зодчества в XVII–XVIII вв. была связана с необходимостью вести боевые действия. Оно стало одним из способов освоения пространства, дающего этномаркирующую характеристику русского этноса. Сибирское оборонное зодчество явилось отражением лучших традиций русского градостроительства. Судьба возведенных в Сибири русских форпостов различна. Некоторые прошли долгий путь развития. Они превратились в современные города или села, настолько удачно было их расположение» [39, с. 105–106].

Порой местом, наделенным особой энергетикой и историей, становятся холмы Томска. Так, расположение города на холмах подвигло князя К.А. Вяземского в 1891 г. на уподобление его Афинам, что породило центральную мифологию томского локального текста. Описание города на холмах создаёт ощущение такого взаимодействия сил и энергий, которые самым уникальным образом организовали это пространство [40].

Закономерно, что природные явления, то поочерёдно, то вставая в один ряд, представляют суровую томскость и сибирскость. Если горы, холмы – это уже привычные образы для Томска, то вот описание леса, тайги, столь же привычное и распространённое, далеко не во всех текстах задаёт видение, которое станет способом генерирования новых подходов и текстовых стратегий. Полноценный абрис леса повлечёт за собой создание некоего пространства в текстах, преимущественно художественных, необходимых авторам для того, чтобы найти объекты, задающие уникальность места. Подобно Хайдеггеру можно признать, что таким объектом становится лесная тропа (Holzweg), прокладываемая путниками [41, с. 325]. Дальше – никаких следов человека, ни проторенной дороги, ни символических знаков, знаков-засечек: «Сияла яркая звезда/В полночный час./И золотилась вода,/Как рыбий глаз./Темна чуть хладная прозрачь,/Во сне посматривал кедряч/Над той водой» [42]. Holzwege — это лесные тропы, «поросшие травой и внезапно обрывающиеся в нехоженое», области нетронутого, непродуманного [43, р. 5]. Оно ускользает от человека, привыкшего к размеренному про-

странству и времени. Но здесь внезапно открывается то, что не бросилось сразу в глаза: «задумчивый рост елей» [44]. Порядок вырастает из элементарной силы, имеет в своей основе неразделенное, немислимое, только стремящееся к порядку. Это лес как питающая почва, земля, основа благосостояния и имущества.

Если двигаться от самых упоминаемых слов и понятий, то от холмов следует обратиться к реке/рекам/речным водам. Река традиционно упоминается как символ вечного движения и забвения, образ преходящей и постоянно возобновляющейся жизни, очищения и освобождения. Река, вихрем врывающаяся в пространство города в период наводнения, успокаивающаяся на миг и превращающая город в сибирскую Венецию, – распространённый сюжет в творчестве томских художников. Воды Томи и Оби воспринимаются множеством авторов как первородная водная стихия, как животворное материнское лоно, чью силу город должен приручить: «река очень своенравная, склонная, по причине горного происхождения и снежного местного изобилия, дыбиться и выбрасываться, «как зверь, остервенясь», из своих берегов», – такое описание дал В. Костин Потому (это имя автор дал реке Томь в романе «Колокол и болото») [45]. Чистота, безбрежность – мифологемы реки Томи, запечатлённые в текстах других томских авторов. Даже в быстрой Ушайке они улавливают тему движения и энергии. Таким образом акцентируется хтоническая природа речного ландшафта, воплощенная в реке древняя первозданная стихия. Во множестве мифологических представлений река становится важным символом, элементом сакральной топографии. Со временем начинается десакрализация, особенно тогда, когда одна из рек заковывается в бетон и мрамор (Ушайка), а вторая (Томь) сохраняет прекрасный вид, который интересует жителей в любое время года.

В городе какое-то время сохранялись священные врата, священное место перехода от реки к городу. Семантика этого сакрального пространства поддерживалась строительством точной копии часовни, частичной реконструкцией лестниц, ведущих на Воскресенскую гору, инициативами краеведов в юбилейные для Томска даты по реставрации места, символизирующего основание города, проектами будущей реконструкцией Болота – исторической зоны города.

Болото – с одной стороны, очень продуманный и глубокий символ (например, в текстах поэтов, писателей Томска), с другой – конкретное название исторического района в Томске; с третьей – метафора, означающая зыбкость почвы, влаги во мхах, живой и губительной для Сибири влаги. Неслучайно старец из романа В. Костина «Колокол и болото» собрал на Болоте последних совестливых людей и вразумлял их: «Никогда такого не было, чтобы люди посягали на родовые свои свойства, отказываясь от души, от дома, от семьи» [45]. Таинственный хранитель источника мудрости предстаёт именно в Болоте, в котором спрятан глаз великого старца, захотевшего получить знание последних тайн мира. Место явления старца заросло мхом и увито плющом; в глубину не проникают ничьи взгляды – только корни мирового дерева – «Болото, мутное, невнятное, булькающее, рефлексивное. Как в старом зеркале, в нем смутно отражается прошлое Потомска и тускнеют выцветшие краски иного бытия. Вместо выразительных персонажей и колоритных фигур – размазанные в пространстве и времени невнятные, стертые образы... которые кажутся таковыми от длинноты их описания» [45].

И поле неакадемических форм конструирования прошлого и собственно академическое теоретизирование базируются на геопозитическом подходе, который сочетается с сакральным.

Любопытно, что многие учёные, обращаясь к локальным текстам, как и В. Топоров, анализируя Петербургский текст, акцентируют внимание на способах выражения

предельности, на преобладании апофатических форм выражения [46]. Это делали и создатели Томского текста. У В. Топорова в описании присутствуют такие способы выражения предельности: крайний, неизъяснимый, неистошимый, неопиуемый, необыкновенный, невыразимый, безмерный, бесконечный, неизмеримый, величайший... (характерно преобладание апофатических форм выражения [46]).

Однако те, кто исследует подобные свойства Томского локального текста, особенно как текста Сибирского, фиксируют внимание на трансгрессивности, способности этого города предстать как лиминальное пространство, одновременно пространство смерти и нового рождения.

Томский текст и выражения двойственности, амбивалентности: ...«Ты очень странный, необычный город», «Неповторим пейзаж, отточенный веками»; «По Иркутскому тракту – и печаль, и утрата/По Московскому тракту – надежда и боль»; «Мой Томск неприкаянный»; «О, сколько праха в горестной земле; Мне часто грезится: на Севере угрюмом», «О, край, придавленный суровым гнетом рока»; «Как далеки ты,/город детства!/Безвозвратно./Навсегда»; «Томск – пространство одиночества»; «Не город – кладбище./Дом призраками полон./И каждый с зеркалом играет в темноте»; «Чёрным и хмурым/слышится ветер,/звонкий и добрый/при солнечном свете»; «Ворох снов, сомнений, истин –/по-над Томском листопад./С тополей слетают листья/три столетия подряд»; «В Сибири снег от неба до порога/И вечера длинней, чем Енисей/Здесь нечего и вымолить у Бога./И горизонт, как будто Колизей»; «Снегири взлетают красногруды.../Скоро ль, скоро ль на беду мою/Я увижу волчи изумруды/В нелюдимом, северном краю?»; «Сибирского тракта селенья,/Руины советских времен,/Безжизненной кисти творенья,/Зубовный скрип, мертвенный стон/Его окружают»; «Здесь доживали, здесь невидимо-неслышимо сокращались время и пространство: почти все крыши были нехорошими и потолки нездоровы...», невыносимый холод, тень Колпашевского яра¹, остров Назина – остров смерти.

Слова с семантикой неповторимых звуков отражают их динамичную смену, определяющих своеобразие города (если в нём сложилось некое зонирование пространства, то любой имеет собственный ареал распространения): звон колоколов, шум трамвая, гул метели, смех молодых, «Где тишина над Белым озером/И нежный перебор гитар»; «Под вечер окраина/оттиски шин/на пыльном асфальте окурки обертки/ урчанье моторов сигналы камазов/уазов и газов и прочих напротив/дыра в продтовары в листве запыленной/как тертый асфальт пересохшее небо/в жаре в духоте/в центре города полдень...» [30].

Таким образом, габитус города проявляется в любом ракурсе, через любую совокупность текстов. Не зря современные исследователи, отмечали: «Как бы мы ни определяли «габитус», это понятие всегда подразумевает нечто сложившееся, направляющее действия и управляющее причинностью вероятного за счет того, что оно «подсказывает» нечто ... (Н.К.) на основе вкуса, склонностей и предпочтений, короче говоря – диспозиций» [32].

¹ И хотя Колпашево – это город в Томской области, эта ассоциация точно возникает, как писал В. Максеев: «Небольшой город Колпашево стоит на обрывистом берегу Оби, которая, постепенно меняя русло, подмывает этот яр, обрушивая в воду и часть суши. <...> Ночью накануне Первомайских праздников мутная речная волна словно с тяжким стоном обвалила часть берега, а наутро перед глазами тех, кто пришел на то место, предстала страшная картина. Из земли торчали останки людей: руки, ноги, черепа с пустыми глазницами... <...> У всех черепов в затылочной части были пулевые отверстия, а в некоторых еще и второе – в височной области...» [47].

Слова, связанные с сакральным пространством, священной географией места, разрушенной сакральной топикой тоже формируют не только некие проявления габитуса города, но и собственно оригинальную его текстуру: храмы, часовни, Богородице-Алексиевский монастырь, разрушенный Троицкий собор, Красная мечеть, «купола золотых церквей», «Здесь купола церквей пронзают небо», «страсти по старцу». Конечно, это измерение текстуры города не существует изолированно и в определённой чистоте.

С этой группой слов священной и культурной географии тесно связана группа топонимов, которая наиболее часто встречается в поэтических текстах, в исторических и мифологических нарративах: Томский Кремль, Ушайка, Басандайка, Томь, Город над Томью, камень Тояна, Татарская Слобода, Обруб, Болото, Кирпичи, Воскресенская гора, Иверская часовня, Елань, Уржатка, Юрточная гора, усадьбы, Белое озеро, Университетская роща, Каменный мост, Черем, особняк Хомича, Второвский пассаж, Кузнечный взвоз, Таловские чаши. Они, с одной стороны, представляют предложенную Д. Серлем «минимальную географию фона» [48], а с другой – это важные символы пространства города, которые становятся ключевыми в любом спатильном анализе.

Единство описаний Томска в текстуре города не исчерпывается исключительно пейзажно-ландшафтными, климатическими, топографическими, этнографическими бытовыми и культурными характеристиками города, оно явно имеет какой-то надэмпирический смысл.

Мифопоэтическая основа произведений, включающая такие мифологемы, как форпост для освоения новых земель, город-заповедник, столица снега, Томск – Сибирские Афины, Томск – сибирская Сорбонна (Томск – сибирская Сорбонна./От созвездья трех холмов./ Деловито и спокойно./В жизнь тебя вести готов), город-университет, город вольных и невольных сибиряков, место каторги и ссылки, чудовищная воронка Мальстрёма. Томск – город пути, город студенческих дней, город шести университетов на семи холмах, «очаровательный старик», «созвал к себе молодежь всей Сибири», «снежные Афины», «Старый – старый студенческий Томск./пополам деревянный и каменный», «Старинные дома и молодые лица./Причудливый узор грядущего с былым./Течет людской поток, и это повторится/И завтра, и всегда,/Но Томск неповторим»; Грустина, Томск немного напоминает Калифорнию в первое время бывшей там «золотой лихорадки», «Жил некий старец непростой./Феодором он прозывался./Лев Николаевич Толстой/Весьма им интересовался»; «Два имени – одна легенда», «Томск – сердце Сибири», «В краю кедровом, посреди России...», «Там – начало больших начал» [30].

Вся история города прошла под знаком разнообразия. Разнообразие определялось режимом истории и памяти, габитусом как «матрицы паттернов восприятия, оценки и действия», своеобразием Томского локального текста: О.В. Богданова, В.С. Киселев, В.П. Бойко, Е.В. Ситникова, З.И. Резанова [49–52].

Поэтические тексты часто обращены к знаковым фигурам и лицам: эуштинский народ, князец татарский Басандай, «Умельцы резьбы древесной», старец Федор Кузьмич, «птенцы региональных культурных гнезд», томские архитекторы рубежа веков, Г.Н. Потанин, томские купцы, спецы, ссыльные. Когда-то исторический образ Томска создавался благодаря исследованиям и визуальным источникам, которые, условно говоря, назывались «портфели Миллера» (результаты и итоги вошли в структуру Томского текста благодаря трудам З.Я. Бояршиновой, Н.Н. Покровского, А.Х. Элрета), «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова; панорамам города, выполненным И.-Х. Беркханом и И.-В. Люрсениусом во время Второй Камчатской экспедиции; «Росписи Томского города и острога», благодаря плану города Томска, составленному Второй Камчатской экспедицией в 1734–1740 гг., плану Томска 1748 г. С. Плаутина, копии кремля с

плана И. Шишкова 1739–1741 гг., плану Томска 1768 г. П. Григорьева, археологическим раскопкам на мысе Воскресенской горы и образам Томского кремля, представленным в публикациях томского историка М. Черной [34].

Проводниками новых смыслов становятся те, кто был долгое время связан с очагами семиотизации: художники Второй Камчатской экспедиции и просто художники, архитекторы, историки архитектуры, исследователи реконструкции и аутентичности; авторы отрисованных панорам Томска (Ю. Нагорнов), бывшие томские студенты разных времён, те, кто учился в Университете/университетах; те, кто проживал или просто имел отношение к некоторым интенсивным очагам семиотизации: краеведы, борцы с ношеделом, ревнители старины, томские поэты с особым культурным бэкграундом (А. Олеар, В. Брусьянин, В. Крюков), писатели – сибиряки поневоле (В. Макшеев). И представители этих интенсивных очагов семиотизации отмечают свою привязанность к городу признаниями в любви и верности: «...Мой красивый,/Стародавний,/ Красочный,/Ты один такой в России./Будто терем сказочный./Весь в резьбе, как в/Паутинке... (М. Карбышев). Такое признание не является единичным, зачастую Томск для поэтов становится «морозной музой», где-то «над заснеженными корабельными соснами». Так, О. Рычкова, анализируя творчество сибирских поэтов, не зря называет статью «Томск: Одиссеи под кедрами», обозначив тем самым любимые образы и привычное поэтическое состояние: «Из камня глядят стародавние лики,/Грифоны, виньетки и вензеля/ С изюминкой город, а не безликий,/Богата умельцами наша земля» [42].

Уравновешивает внимание к прошлому не меньшая акцентуация в поэтическом дискурсе образа современного города, пространства современной культуры. Поскольку этот аспект поэтического словаря Томска подробно проанализирован в научной литературе, мы ограничимся лаконичным компендиумом слов, понятий, связанных с современностью и топикой университетского города.

Слова, указывающие на Молодость, Дерзость, Университет, Большие надежды, органично вошли в «рисунок», узор города: город науки и свиданий, «Томск как студент, билет заветный/У мудрой вечности берет; Томск,/ Город студенческих дней, Мой маленький город –/ столица души»; «Прозван ты Афинами не зря,/красотой и мудростью отмечен»; повзрослевший «город детства»; «Томск, мой Томск – Юность в моей судьбе, Город первой любви...»; «бескорневое потомское студенчество»; «Мне кажется, что Томск как человек,/который мудр и юн одновременно»; «студентов ручей оживлённый», «старинные дома и молодые лица./Причудливый узор грядущего с былым./Течет людской поток, и это повторится/И завтра, и всегда,/Но Томск неповторим»; «научка», НТБ; «если ты в Томске, / Ты – или студент,/или имеешь/к тому/отношение...» [30].

Очень часто, благодаря поэтическим текстам и самой онтологии пространства, мы попадаем в поле действия сил, организующих его, делающих его явленным.

Дешифруя текстуру города, мы пытаемся определить то, как совмещаются в ней уникальность местных реалий и стереотипность семантических и текстовых моделей. В целом, конечно, текстура города предстанет более или менее полной тогда, когда будут воссозданы все наиболее значимые и «знаковые события», «знаковые фигуры» городской истории, когда будет реконструирована типичная структура городской исторической мифологии: истории об основании и основателях города, нарративы знаменитостей, посещавших город; когда будут описаны формы и контексты репрезентаций сюжетов местной истории, практики визуализации (памятники, граффити).

Итак, мы рассмотрели уникальность текстуры города в контексте его трансформаций, динамичного переопределения социальных связей, дистанций и иерархий. Городская трансформация – сложное явление, богатое неопределенностью. Поэтому

очень важно выявить то, как влияет на изменения ядро неизменных представлений о городе. В текстуре Томска, как правило, отражается его бытие как российского провинциального города, представляющего собой «охранительную силу» подлинной несуетной жизни. С другой стороны, в рисунке смыслов и сущностей отражается его уникальность как города- университета, города Пути, начала Пути для молодых людей. Значительная часть основного «узора» смыслов и образов упорно сохраняет силу метафоры «города, созданного на краю света»; «затерянного среди снегов и хляби...», города – «седого Севера дитя», «творящий ландшафт» которого – суровая сибирская природа. Исторически Томск – «Сибирские Афины». И хотя метафора потеряла свою силу воздействия, все реформаторы города должны понимать, что город никогда не станет чистой экспериментальной лабораторией, он всегда будет иметь ядро представлений, определяющих своеобразие развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. – 2008. – № 3. – С. 130–140.
2. Кобрин К. Код ННГ // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 2. – С. 134–142.
3. Левченко Я. Камера смотрит в город // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 2. – С. 102–106.
4. Устюгова Е. Антропологический поворот в современной урбанистике // Terra Aesteticae. Теоретический журнал Российского эстетического общества. – 2018. – № 1 (1). – С. 199–215.
5. Rethinking historical time: new approaches to presentism / Eds. L. Olivier, M. Tamm. – L., N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. – 226 p.
6. Зукин Ш. Культуры городов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 324 с.
7. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 234 с.
8. Бабенко И.И. Специфика эстетической актуализации концепта город Томск в региональном поэтическом дискурсе // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 3 (105). – С. 54–58.
9. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку: от составителей раздела «Городская информатика и цифровая антропология» // Шаги/Steps. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 103–113.
10. Sustainable-smart-resilient-low carbon-eco-knowledge cities; making sense of a multitude of concepts promoting sustainable urbanization / M. de Jong, S. Joss, D. Schraven, C. Zhan, M. Weijnen // Journal of Cleaner Production. – 2015. – V. 109. – P. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.02.004>
11. Brenner N. New urban spaces: urban theory and the scale question. – New York: Oxford University Press, 2019. – 480 p.
12. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. – 2002. – № 3. – С. 1–24.
13. Strauss A. Images of the American city. – New York: Free Press, 1961. – 318 p.
14. Секацкий А.К. От формации вещей к эпохе текстов // Сила простых вещей: сб. ст. – СПб.: Алетея, 2013. – С. 69–80.
15. Suttles G. The cumulative texture of local urban culture // The American journal of sociology. – 1984. – V. 90. – № 2. – P. 283–304.
16. Беркинг Х. «Города, как людей, узнаешь по походке»: наброски об изучении города и городов // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 15–29.
17. Lindner R. Der Habitus der Stadt – ein kulturgeographischer Versuch // PGM. Zeitschrift für Geo – und Umweltwissenschaften. – 2003. – № 147-2. – S. 46–53.
18. Федотова Н.Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2020. – Вып. 1 (23). – С. 121–139. DOI:10.23951/2312-7899-2020-1-121-139.
19. Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю., Погодаев Н.П. Городское пространство – опыт исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 1 (25). – С. 84–98.
20. From Coney Island to Las Vegas in the urban imaginary / Sh. Zukin, J. Halley, K. Lawler, R. Nerio, E. Wissinger // Urban Affairs Review. – 1998. – V. 33. – P. 627–654.
21. Bloomfield J. Researching the urban imaginary: resisting the erasure of places // European Studies: a Journal of European Culture, History and Politics. – 2006. – V. 23. – P. 45–61.

22. Delorme P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain // *La Ville autrement*. – Sainte-Foy, 2005. – P. 9–27.
23. Tunbridge J.E., Ashworth G.J. *Dissonant heritage: the management of the past as a resource in conflict*. – Chichester: John Wiley, 1996. – 234 p.
24. Ямпольский М. Машина наследия // *Colta.ru*. URL: www.colta.ru/articles/specials/11589 (дата обращения 30.06.2021).
25. Тарабарина Ю. Осмысленный каркас. URL: <https://archi.ru/russia/60764/osmyslennyi-karkas> (дата обращения 30.06.2021).
26. Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. URL: <https://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka> (дата обращения 13.02.2022).
27. Романова Л.С. Исчезающее своеобразие (на примере исторического поселения Томска) // *Научный диалог*. – 2012. – Вып. 4. – С. 225–235.
28. Айзенман П. Десять канонических зданий: 1950–2000. – М.: Стрелка пресс, 2017. – 310 с.
29. Фаткулина Е. Городское путешествие. Томск. – Томск: Макушин медиа, 2021. – 143 с.
30. Томск – любовь моя и судьба: поэтический сборник / сост. Н.Ф. Приходько. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит.-ры, 2004. – 707 с.
31. Sansot P. L'imaginaire: la capacité d'outrepasser le sensible // *Sociétés*. – 1993. – V. 42. – P. 411–417.
32. Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике // *Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике (сборник)*. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 101–116.
33. Иванов А. Хребет России. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2010. – 272 с.
34. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблема реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с.
35. Романова Л.С. Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее. – Томск: Изд-во Томск, гос. архитек.-строит. ун-та, 2004. – 218 с.
36. Смирнов С.А. Образ города: от карты к картоиду // *ПРАЭНМА* – 2017. – Вып. 4 (14). – С. 28–48.
37. Аванесов С.С. Иерусалимская топка: Западная Сибирь/Нижняя Силезия // *ПРАЭНМА*. – 2017. – Вып. 4 (14). – С. 65–89.
38. Аванесов С.С. Надвратный храм в структуре городского пространства: семантика и типология // *Баландинские чтения*. – 2018. – Т. XIII. – С. 102–104.
39. Майничева А.Ю. Проблемы реконструкции сибирских острогов XVII–XVIII веков в аспекте нейрометодологии // *Аношинские чтения: Материалы I Межрегион. науч.-практ. конф.* – Омск: Наука, 2017. – С. 103–106.
40. Суханов В.А., Щербинин А.И. Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2017. – № 47. – С. 149–170. DOI: 10.17223/19986645/47/11.
41. Хайдеггер М. *Вещь* // *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
42. Рычкова О. Томск: одиссеи под кедром // *Знамя*. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1186> (дата обращения 13.02.2022).
43. Heidegger M. *Holzwege*. 5. Aufl. – Frankfurt am Main: Klostermann. – 124 s.
44. Хайдеггер М. Творческий ландшафт: почему мы остаёмся в провинции? // *Работы и размышления разных лет*. – М.: Гнозис, 1993. – С. 218–221.
45. Костин В. Колокол и болото. – М.: Беловодье, 2012. – 288 с.
46. Топоров В.Н. *Петербургский текст*. – М.: Наука, 2009. – 820 с.
47. Боровиков С. Вадим Макшеев. Избранные произведения. Судьбой не обделенный. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4786> (дата обращения 13.02.2022).
48. Matthiesen U. *Lebensweltliches Hintergrundwissen. Zum theoriestrategischen Status doxischer Wissensformen in der Soziologie sowie in ihrer Rolle in der empirisch-soziologischen Zeitdiagnose // Konfigurationen lebensweltlicher Strukturphänomene* / Hg. M. Wicke. – Opladen: Leske und Budrich, 1997. – S. 157–178.
49. Богданова О.В. Архитектурный облик Томска. – Томск: Красное знамя, 2005. – 143 с.
50. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // *Имагология и компаративистика*. – 2017. – № 8. – С. 36–61.
51. Бойко В.П., Ситникова Е.В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. – Томск: Изд-во ТГАСУ. – 2008. – 179 с.
52. Резанова З.И. Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // *Язык и культура*. – 2010. – № 1. – С. 74–84.

53. Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию Томска) // Томску – 375 лет: сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – С. 11–20.
54. Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. – 1989. – 385 с.
55. Каменецкий И.П., Элерт А.Х. Городской ландшафт Сибири в путевых описаниях уездов Г.Ф. Миллера // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 253–264.

Поступила 30.03.2022 г.

UDC 811.161.1'373.612.2'42-26(571.16-21Томск)

TO BE LIVING, SENSING, DEVELOPING (NOTES ON THE TEXTURE OF THE CITY)**Nataliia A. Kolodii,**

kolna@tpu.ru

National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia**Nataliia A. Kolodii**, Dr. Sc., professor, National Research Tomsk Polytechnic University.

The relevance of the research is determined by the fact that the modern competitive struggle for resources, for the minds of people, is already spreading to the symbolic capital of the territories, which is an important factor in this struggle. In today's situation, urban competition has reached its peak. This paper, devoted to the analysis of the texture of the city, discusses such problems as the cumulative image process in time and space, cumulative associations related with texts of local culture; and draws attention to the poetic discourse as one of the distinctive ways of increasing the meanings associated with the uniqueness of the city. **Methods.** The methodological basis was the principles of analysis of the cumulative texture of the city, a qualitative strategy for the content analysis of poetic texts dedicated to the city of Tomsk, as well as methods of visual research of the images of the city, embodied in architecture, painting, and photography. As a methodological guide, a modern research approach to the nature and essence of the imaginary was used (A. Strauss, D. Suttles, R. Lindner). The nature of the imaginary is, on the one hand, a set of meanings that determine the characteristics of the city, on the other hand, a certain system of ideas about the sublime and low, secular and religious, earthly and heavenly, which exist at the moment, being not always understood and understandable, needing to be deciphered. An analysis of the poetic discourse and texts associated with Tomsk has revealed a set of constants passed down from generation to generation and a set of subjectively experienced meanings that create a particular pattern of the city's texture. **Results.** A certain result of the study was the systematization of words, images, metaphors, mythologemes that capture four dimensions of the city's texture: landscape, cultural-historical, anthropological, topological. **Conclusions.** The study of the texture of the city is an important process, which, as a result, represents an outline of the subjectively experienced images of the city that affect the entire set of transformations and reforms in the city; residents' attitudes can either help or hinder change.

Key words: City texture, cumulative connotations, local urban culture, urban texture pattern, conductors of «meanings», «heritage» as a commodifiable resource, cultural and historical construction, Tomsk.

REFERENCES

1. Soya E. Kak pisat o gorode s tochki zreniya prostranstva? [Writing the City Spatially]. *Logos*, 2008, no. 3, pp. 130–140.
2. Kobrin K. Kod NN/G [Kode NN/G]. *Neprikosnovenny zapas*, 2019, no. 2, pp. 134–142.
3. Levchenko Ya. Kamera smotrit v gorod [The camera looks at the city]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 102–106.
4. Ustiugova E. Anthropological turn in contemporary urbanistics. *Terra Aesteticae*, 2018, no. 1 (1), pp. 199–215. In Rus.
5. *Rethinking historical time: new approaches to presentism*. Eds. L. Olivier, M. Tamm. L. N.Y., Bloomsbury Academic, 2019. 226 p.
6. Zukin Sh. *Kultury gorodov* [Cultures of cities]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 324 p.
7. Ozhe M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-places. An introduction to hypermodern anthropology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 234 p.
8. Babenko I.I. Specific features of aesthetic actualization of the concept the city of Tomsk in the regional poetic discourse. *Tomsk state pedagogical university bulletin*, 2011, no. 3 (105), pp. 54–58. In Rus.
9. Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasiuk E.G. Digital codes of Russian cities: connections, disruptions and a few words about love for the human being: about the cluster «Urban informatics and digital anthropology». *Steps*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 103–113. In Rus.

10. De Jong M., Joss S., Schraven D., Zhan C., Weijnen M. Sustainable–smart–resilient–low carbon–eco–knowledge cities; making sense of a multitude of concepts promoting sustainable urbanization. *Journal of Cleaner Production*, 2015, vol. 109, pp. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.02.004>
11. Brenner N. *New urban spaces: urban theory and the scale question*. New York, Oxford University Press, 2019. 480 p.
12. Amin E., Trift N. Vnyatnost povsednevnogo goroda [Intelligibility of everyday city]. *Logos*, 2002, no. 3, pp. 1–24.
13. Strauss A. *Images of the American city*. New York, Free Press, 1961. 318 p.
14. Sekatskiy A.K. Ot formatsii veshchey k epokhe tekstov [From the formation of things to the era of texts]. *Sila prostykh veshchey: sbornik statey* [The power of simple things: a collection of articles]. Ed. by S.A. Lishaeva. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2013. pp. 69–80.
15. Suttles G. The cumulative texture of local urban culture. *The American journal of sociology*, 1984, vol. 90, no. 2, pp. 283–304.
16. Berking Kh. «Goroda, kak lyudey, uznaesh po pokhodke»: nabroski ob izuchenii goroda i gorodov [«Cities, like people, you recognize by their walk»: sketches on the study of the city and cities]. *Sobstvennaya logika gorodov. Novye podkhody v urbanistike* [Own logic of cities. New approaches in urbanism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. pp. 15–29.
17. Lindner R. Der Habitus der Stadt – ein kulturgeographischer Versuch [Habitus of the city – cultural and geographical experience of the study]. *PGM. Zeitschrift für Geo – und Umweltwissenschaften*, 2003, no. 147-2, pp. 46–53.
18. Fedotova N.G. Visual markers of the urban imaginary. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2020, Iss. 1 (23), pp. 121–139. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-1-121-139.
19. Sukhushina E.V., Rykun A.U., Pogodaev N.P. The city space intergenerational. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014, no. 1 (25), pp. 84–98. In Rus.
20. Zukin Sh., Halley J., Lawler K., Nerio R., Wissinger E. From Coney Island to Las Vegas in the Urban Imaginary. *Urban Affairs Review*, 1998, vol. 33, pp. 627–654.
21. Bloomfield J. Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places. *European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics*, 2006, vol. 23, pp. 45–61.
22. Delorme P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain [From the Chicago school to the urban imagination]. *La Ville autrement* [The City differently]. Sainte-Foy, 2005. pp. 9–27.
23. Tunbridge J.E., Ashworth G.J. *Dissonant heritage: the management of the past as a resource in conflict*. Chichester, John Wiley, 1996. 234 p.
24. Yampolskiy M. Mashina naslediya [Heritage Machine]. *Colta.ru*. Available at: www.colta.ru/articles/specials/11589 (accessed 30 June 2021).
25. Tarabarina Yu. *Osmyslenny karkas* [Meaningful frame]. Available at: <https://archi.ru/russia/60764/osmyslennyi-karkas> (accessed 30 June 2021).
26. Abashev V.V. *Permskiy tekst v russkoy kulture i literature XX veka* [Perm text in Russian culture and literature of the 20th century]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka> (accessed 13 February 2022).
27. Romanova L.S. Ischezayushchee svoeobrazie (na primere istoricheskogo poseleniya Tomsk) [Disappearing originality (on the example of the historical settlement of Tomsk)]. *Nauchny dialog*, 2012, Iss. 4, pp. 225–235.
28. Ayzeman P. *Desyat kanonicheskikh zdaniy: 1950–2000* [Ten canonical buildings: 1950–2000]. Moscow, Strelka Press Publ., 2017. 310 p.
29. Fatkulina E. *Gorodskoe puteshestvie. Tomsk* [Urban travel. Tomsk]. Tomsk, Makushin media Publ., 2021. 143 p.
30. *Tomsk – lyubov moya i sudba: poeticheskiy sbornik* [Tomsk – my love and destiny: poetry collection]. Comp. N.F. Prikhodko. Tomsk, Izdatelstvo nauchno-tekhnicheskoy literatury Publ., 2004. 707 p.
31. Sansot P. L'imaginaire: la capacité d'outrepasser le sensible [The imaginary: the ability to go beyond the sensitive]. *Sociétés* [Societies], 1993, vol. 42, pp. 411–417.
32. Lindner R. Tekstura, voobrazhaemoe, gabitus: klyuchevye ponyatiya kulturnogo analiza v urbanistike [Texture, imaginary, habitus: key concepts of cultural analysis in urban studies]. *Sobstvennaya logika gorodov. Novyye podkhody v urbanistike* [Own logic of cities. New approaches in urbanism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. pp. 101–116.
33. Ivanov A. *Khrebet Rossii* [Ridge of Russia]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2010. 272 p.
34. Chernaya M.P. *Tomskiy kreml serediny XVII–XVIII vv.: Problema rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [Tomsk Kremlin in the middle of the 17th–18th centuries: the problem of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002. 187 p.

35. Romanova L.S. *Zdes nachinal'sya Tomsk. Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [This is where Tomsk began. Past present Future]. Tomsk, TSUAB Publ., 2004. 218 p.
36. Smirnov S.A. Image of the city: from map to carotid. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2017, Iss. 4 (14), pp. 28–48. In Rus.
37. Avanesov S.S. Jerusalem topic: Western Siberia/Lower Silesia. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2017, Iss. 4 (14), pp. 65–89. In Rus.
38. Avanesov S.S. Nadvratny khram v strukture gorodskogo prostranstva: semantika i tipologiya [The gate temple in the structure of urban space: semantics and typology]. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. XIII, pp. 102–104.
39. Maynischeva A.Yu. Problemy rekonstruktsii sibirskikh ostrogov XVII–XVIII vekov v aspekte neyrometodologii [Problems of reconstruction of Siberian prisons of the XVII–XVIII centuries in the aspect of neuromethodology]. *Materialy I Mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Anoshinskie chteniya»* [Anoshin readings: Materials of the I Interregional scientific and practical conference]. Omsk, Nauka Publ., 2017. pp. 103–106.
40. Sukhanov V.A., Shcherbinin A.I. Life and death of the «Siberian Athens»: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 47, pp. 149–170. DOI: 10.17223/19986645/47/11
41. Heidegger M. Veshch [Thing]. *Vremya i bytie*. Moscow, Respublika Publ., 1993. pp. 316–326.
42. Rychkova O. Tomsk: odissei pod kedrami [Tomsk: Odysseys under the cedars]. *Znamya*. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1186> (accessed 13 February 2022).
43. Heidegger M. *Holzwege. 5. Aufl.* [Wooden paths. 5th ed.]. Frankfurt am Main, Klostermann, 124 p.
44. Heidegger M. Tvorcheskii landschaft: pochemu my ostaem'sya v provintsii? [Creative landscape: why do we stay in the provinces?]. *Raboty i razmyshleniya raznykh let*. Moscow, Gnosis Publ., 1993. pp. 218–221.
45. Kostin V. *Kolokol i boloto* [The bell and the swamp]. Moscow, Belovode Publ., 2012. 288 p. Available at: <http://ognikuzbassa.ru/category-prose/839-vladimir-kostin-kolokol-i-boloto-glavy-iz-romana> (accessed 22 August 2021).
46. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg text]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 820 p.
47. Borovikov S. *Vadim Maksheev. Izbrannye proizvedeniya. Sudboy ne obdeleenny* [Vadim Maksheev. Selected works. Fate not deprived]. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4786> (accessed 13 February 2022).
48. Matthiesen U. Lebensweltliches Hintergrundwissen. Zum theoriestrategischen Status doxischer Wissensformen in der Soziologie sowie in ihrer Rolle in der empirisch-soziologischen Zeitdiagnose [Lifeworld background knowledge. On the theoretical-strategic status of doxic forms of knowledge in sociology and their role in empirical-sociological diagnosis of the times]. *Konfigurationen lebensweltlicher Strukturphänomene* [Configurations of lifeworld structural phenomena]. Ed. by M. Wicke. Opladen, Leske und Budrich, 1997. pp. 157–178.
49. Bogdanova O.V. *Arkhitekturny oblik Tomsk* [Architectural appearance of Tomsk]. Tomsk, Krasnoye znamya Publ., 2005. 143 p.
50. Kiselev V.S. Tomsk v russkoy literature: problemy i perspektivy izucheniya [Tomsk in Russian Literature: Problems and Prospects of Study]. *Imagologiya i komparativistika*, 2017, no. 8, pp. 36–61.
51. Boyko V.P., Sitnikova E.V. *Sibirskoe kupechestvo i formirovanie arkhitekturnogo oblika goroda Tomsk v XIX – nachale XX v.* [Siberian merchants and the formation of the architectural appearance of the city of Tomsk in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk, TSUAB Publ., 2008. 179 p.
52. Rezanova Z.I. Mifologema «Tomsk – Sibirskie Afiny» v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomsk) [Mythology «Tomsk – Siberian Athens» in the communicative tactics of journalistic discourse (on the material of the weekly periodicals of Tomsk)]. *Yazyk i kultura*, 2010, no. 1, pp. 74–84.
53. Boyarshinova Z.Ya. Osnovanie russkogo goroda na Tomi (k 375-letiyu Tomsk) [The foundation of the Russian city on the Tom (to the 375th anniversary of Tomsk)]. *Tomsku – 375 let: sbornik statey* [Tomsk – 375 years: a collection of articles]. Tomsk, TSU Publ., 1979. pp. 11–20.
54. Pokrovskiy N.N. *Tomsk, 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast i zemskie miry* [Tomsk, 1648–1649 Voivodship authority and zemstvo worlds]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie Publ., 1989. 385 p.
55. Kamenetskiy I.P., Elert A.Kh. Gorodskoy landschaft Sibiri v putevykh opisaniyakh uezdov G.F. Millera [The urban landscape of Siberia in the travel descriptions of the counties G.F. Miller]. *Problemy okhrany i osvoeniya kulturno-istoricheskikh landschaftov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. pp. 253–264.

Received: 30 March 2022.